

Министерство образования и науки РФ
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Томский государственный педагогический университет
Институт развития образовательных систем РАО
Департамент общего образования Томской области
Томский областной институт повышения квалификации и переподготовки
работников образования

**Философско-педагогическая концепция С.И. Гессена
и современные проблемы образования,
воспитания, культуры**

Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической
конференции с международным участием – традиционных четвертых
Гессеновских чтений,
посвященных 125-летию со дня рождения С.И. Гессена
Томск, 25-26 октября 2013 года

работающее общество, а из ученика — индивидуальный и незаменимый орган целого» [2, с.131].

Данная схема выглядит идеалистично, однако она отражает все те принципы, на которых строится современная образовательная система — и концепция образования в течение всей жизни, и субъектно-ориентированную педагогику и пр.

Литература

1. Loftus S., Higgs J. Health Professional Education in the Future /S. Loftus, J. Higgs // Practice, Education, Work and Society. 2013. pp 323-333

2. Гессен С.И. Основы педагогики: Введение в прикладную философию: Учебное пособие для вузов / С.И. Гессен. М.: Школа Пресс, 1995. 448 с.

С.И. ГЕССЕН ОБ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

КОШЕЧКО А.Н.

*Томский государственный педагогический университет,
Национальный исследовательский Томский государственный университет
г. Томск*

Первыми экзистенциальный потенциал личности и творчества Достоевского попытались осмыслить религиозные философы рубежа XIX–XX веков, которые почувствовали в идеях писателя нечто соприродное собственным размышлениям о мире и человеке. Их рецепция сделала зримыми многие экзистенциальные смыслы произведений Достоевского, которые не могут быть выявлены и адекватно верифицированы воспринимаящим сознанием неэкзистенциальной ориентации.

Русский религиозный ренессанс имел не только философский, но и литературно-эстетический аспект: религиозные философы рубежа XIX–XX веков начали переоценку всей литературы и искусства. Религиозные философы, не ставя своей целью собственно литературоведческие изыскания, выявили механизм реализации философского потенциала экзистенциальной антропологии Достоевского в различных формах письма. Именно они одними из первых назвали Достоевского родоначальником нового учения о человеке, принципиально по-новому поставившего и предложившего свою версию решения проблемы личности: «Достоевский сделал великие открытия о человеке, и от него начинается новая эра во внутренней истории человека. После него человек уже не тот, что до него. Только Ницше и Кьеркегор могут разделить с Достоевским славу зачинателей этой новой эры. Эта новая антропология учит о человеке как о существе противоречивом и трагическом, в высшей степени неблагополучном, не только страдающем, но и любящем страдания»³³.

В этом отношении интерес С.И. Гессена, русского философа и педагога, к творческому наследию Ф.М. Достоевского закономерен и касается преимущественно «метафизического содержания» произведений писателя, имеющего «сверхвременное значение».

Интерес к человеку как личности экзистенциальной мироориентации получает в трудах философа интерпретацию с позиции ценностных смыслов. В частности, в своей работе «Трагедия зла (философский образ Ставрогина)» он анализирует систему антропологических принципов Достоевского в изображении одного из самых сложных и загадочных (выражаясь словами писателя – «фантастических») образов мировой литературы.

³³ Бердяев Н.С. Русская идея. Париж, 1946. С. 181.

По мысли С.И. Гессена, определяющим в структуре характера Ставрогина является «безразличие души», которое симптоматично переживанию героем абсурда человеческого существования. Особенно ярко это качество его натуры проявляется в отношении к женщинам (Марии Лебядкиной, Лизе и Даше), которое изначально мертво, раздвоено, ценностно искажено до неузнаваемости. Вместо живой любви, сострадания, живого отношения к людям – только ложь и обман. Это апофеоз осуществления ценностной логики эгоистического индивидуализма обезбоженного сознания, которое уже не удовлетворяется своей «самостью» и единоличным господством в своем внутреннем мире, а хочет властвовать и над миром внешним, над сознаниями других людей, над их волей. Это призрачное бытие персонифицированного зла, не способного существовать по факту неопределенности и неидентифицируемости границ собственной экзистенции, которая постоянно ускользает, двоится, рассыпается.

Ставрогин – это «Самозванец в действительности и возможности»³⁴, это маска, это игра в привлекательные и заманчивые для Других роли, это самоосуществление за счет Других.

Почему не Богу, а Ставрогину доверяют люди свои судьбы? Потому что индивидуализм оказывается на рубеже эпох доминантной мировоззренческой программой, которую охотно, хотя и по разным основаниям, принимают люди, стремящиеся, с одной стороны, к преодолению нравственного дискомфорта, который оказывается обязательным дополнением к личной позиции, и, с другой стороны, также рационально мыслящие необходимость Бога, как и Ставрогин, но не способные верить: «Разуму, иссякшему до простой тактики, более всего и соответствует ложный бог, бог скрытый, не открывающий себя людям, но действующий тайно, вынуждающий себе подчинение изначально, чудесами, а не привлекающий к себе людей, как свободные существа, одной только чисто духовной силой явленного им нравственного идеала»³⁵. Поэтому с вектором Абсолюта они и оказываются «духом разными», поэтому и ищут того, кто своей волей освободит их от воли собственной. Этот высший акт своеволия и вызывает серьезную тревогу Достоевского, не просто осознающего катастрофичность самореализации личностей, подобных Ставрогину, а прогнозирующего непоправимость результатов этого осуществления, лишающего нравственного фундамента целую нацию.

В одном из разговоров с Шатовым он предельно отчетливо проговаривает свою истинную сущность, которую уже давно сам про себя понимает: «Мне жаль, что я не могу вас любить» (здесь и далее в цитате курсив мой – А.К.), Шатов, – холодно проговорил Николай Всеволодович» (Т. 10, С. 202). «Атеизм сердца» превращает экзистенцию Ставрогина в трагическое «житие великого грешника», осознающего неистинность собственного существования: «Ставрогин уже точно знает, что вся жизнь его есть обман и ложь, что даже его покаяние есть не что иное, как только маска его презрения к людям и его вызывающей гордости»³⁶.

В работе Гессена об экзистенциальной антропологии романа Достоевского «Бесы» проговаривается принципиально важная как в содержательном, так и в методологическом отношении мысль об особой природе атеистической духовности, которая обладает собственной аксиологической системой. В ней снимаются различия между добром и злом, все переносится исключительно в сферу субъективного опыта человека и его субъективных оценок себя и реальности. Атеизм – это вера особого рода, вера в небытие Бога. Но даже этой веры у Ставрогина нет. Поэтому отчетливо осознаваемая им

³⁴ Гессен С.И. Трагедия зла (философский образ Ставрогина) // Путь. №36 Париж, 12. 1932. С. 65.

³⁵ Гессен С.И. Трагедия зла (философский образ Ставрогина) // Путь. №36 Париж, 12. 1932. С. 59

³⁶ Там же. С. 51.

обреченность на небытие не может быть преодолена, потому что герой «чувствует живое присутствие» зла и сам является воплощением этого зла: «его презрение к ближнему, уединение его души, ложь перед самим собой и уныние, переходящее в отчаяние, – все это смертоносные силы его души проистекают из одного и того же источника, будучи следствиями безверия сердца, как отпада от Бога»³⁷.

Представление Гессена о доминантных особенностях экзистенциальной антропологии Достоевского оказалось невостребованным литературоведческой наукой в течение достаточно длительного времени по нескольким причинам, наиболее значимыми из которых являются идеологическое несовпадение с установками советской науки, поздним знакомством исследователей с полнотекстовыми версиями его работ, опубликованными за границей. Тем не менее, по нашему убеждению, эти материалы могут войти в активный исследовательский инструментарий достоевсковедения в изучении феномена экзистенциального сознания.

С.И ГЕССЕН О СВОБОДЕ И ПРИНУЖДЕНИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

ЛЮРЬЯ Н. А.

Томский государственный педагогический университет

г. Томск

Сергей Иосифович Гессен (1887 - 1950) является примером уникальной личности, сочетающей в себе как выдающиеся способности ученого – теоретика, так и талантливого педагога, организатора. Современные проблемы образования, являющиеся по сути глобальными, находят адекватное отражение в его труде «Основы педагогики. Введение в прикладную философию», в котором его «привлекала возможность явить в этой книге практическую мощь философии, показать, что самые отвлеченные философские вопросы имеют практическое жизненное значение, и что пренебрежение философским знанием мстит за себя в жизни не менее, чем игнорирование законов природы» (1, 18). Философский взгляд на проблемы образования позволил автору дать анализ многовекового опыта мировой педагогики, провести анализ важнейших направлений и идей передовой педагогической мысли, осветить актуальные в настоящее время проблемы связи образования с ценностями культуры, рассмотреть проблемы единства национального и общечеловеческого, соотношения государственного и индивидуального подхода к образованию, свободы и принуждения, поощрения и наказания, и многие другие, что в своей основе опередило идеи современного направления науки - философии образования.

Вначале поясним, что С.И Гессен понимал под образованием. «Цели жизни современного культурного общества ...и есть суть цели образования. Между образованием и культурой имеется точное соответствие. Образование есть не что иное, как культура индивида. И если по отношению к народу культура есть совокупность неисчерпаемых целей-заданий, то и по отношению к индивиду образование есть неисчерпаемое задание. Образование по существу своему не может быть никогда завершено... Только необразованный человек может утверждать, что он сполна разрешил для себя проблему образования... И если цели образования совпадают с целями культуры, то очевидно видов образования должно быть столько же, сколько имеется отдельных ценностей культуры... Мы говорим об образовании нравственном, научном (или теоретическом), художественном, правовом, религиозном». (1, 35). Таким образом, образование связывается у Гессена с приобщением человека к духовному содержанию культурной жизни. «Слово

³⁷ Там же. С. 70.